

4 июня 1988 года. В Арзамасе раннее субботнее утро, но воздух горячий и плотный – к полудню уже будет полыхать почти сорокоградусная жара.

Для опытного железнодорожника машиниста Юрия Микановича в то утро начинался самый обычный рейс. Он уже доставил один товарный состав в Горький, а там, на станции Окской, принял грузовой поезд № 3115 и по хорошо знакомому маршруту тронулся в направлении Арзамаса.

Правда, в эти утренние часы сердце Микановича все же уколола легкая тревога...

Машинист знал, что в три вагона состава были загружены промышленные взрывчатые вещества, которые применяют в геологоразведочных работах. Всего загрузили почти 120 тонн взрывчатых веществ – октогена и гексогена. А по инструкции разрядный груз должен ставиться в голову состава за тепловозом, но с вагонами прикрытия, которые в этот раз почему-то отсутствовали. Что это было – чья-то небрежность, просто забывчивость или, может быть, сознательный шаг, – Миканович, конечно же, не мог знать. Машинист решил не задавать лишних вопросов и отправился в путь.

На последнем разъезде перед Арзамасом в Соловейчике состав Микановича простоял более двадцати минут – Арзамас не принимал. Эти минуты ожидания машинист запомнил на всю жизнь...

Состав медленно тронулся, впереди показалась станция. Справа под насыпью виднелись освещенные ярким солнцем крыши утопающего в кипучей зелени дачного поселка, возле опущенного шлагбаума перед переездом стояло несколько машин. Яркие блики скользили по лобовому стеклу набирающего ход тепловоза.

Потом в памяти Юрия Микановича внезапно образовалась пустота. Он не помнил прогремевшего взрыва.

Гигантское грибовидное облако поднялось над станцией.

Второй секретарь Арзамасского горкома Александр Николаевич Захаров в момент взрыва находился на своей даче недалеко от вокзала. Его дом располагался в низине, а потому не был задет взрывной волной. Увидев черный «гриб» в небе, Захаров в одних шортах и шлепанцах на босу ногу бросился на станцию. Навстречу ему бежали люди в разорванной одежде и с черными от копоти лицами... Захаров увидел гигантскую воронку, которая быстро заполнялась водой разорванного водопровода, вздыбленные рельсы и торчавшие из земли шпалы, искореженные автомобили на станции. В дымном воздухе витал сладковатый запах горелого человеческого мяса.

Разрушения на станции были такие, словно вокзал только что подвергся бомбардировке.

«Война?... Неужели бомбежка?...» – лихорадочно думал Захаров, глядя в небо. Поймав попутку, он помчался на водоканал, чтобы перекрыть хлеставшую воду...

Именно Захарову, как первому из руководителей города, подоспевшему к месту трагедии, поручили организовать разбор завалов...

Когда сотрудники станции Арзамас-1 прибежали к месту взрыва, представшая их взглядам картина показалась нереальной. Перед ними был какой-то лунный кратер, жуткий пейзаж планеты, пережившей катастрофу... В земле зияла эллипсовидная воронка диаметром почти в шестьдесят метров и глубиной в тринадцать метров. Возле воронки лежали окровавленные трупы. Вокруг шумела и бурлила вода.

Председатель Арзамасского горисполкома Иван Петрович Склярков вспоминал:

«Услышав взрыв, я подумал, что у кого-то дома взорвались газовые баллоны. В здании горсовета стали вылетать и сыпаться стекла, и вообще возникло ощущение спецэффектов, как в голливудских фильмах. На Воскресенском соборе (он от места

взрыва в шести километрах) стала задымиться крыша. А за собором дома частного сектора, словно начиненные дипольными зарядами, стали разрушаться изнутри. Все было, как при замедленной киносъемке... Такого ужаса я в жизни никогда не испытывал, хотя пришлось бывать и на техногенных, и на природных катастрофах... В мозгу стучала только одна мысль: неужели это ядерный взрыв?». О том, что в Арзамасе случился «второй Чернобыль», в эту минуту подумали многие, а слухи о радиационном заражении упорно распространялись на протяжении нескольких дней.

Впоследствии жительница Арзамаса делилась воспоминаниями о том страшном дне и о чудесном спасении своего ребенка: «Накануне мы вернулись домой поздно, легли спать за полночь. Поэтому утром и встали поздно. Муж ушел в гараж, маленький ребенок-грудничок спал в комнате, а я пошла на кухню готовить ему кашку. И вот только я пристроилась у плиты, слышу, Васенька плачет. Прихожу в комнату, он сразу замолчал, лежит и смотрит на меня. Я ему одеяльце поправила, он глазки закрыл, и я снова на кухню. Только за поварешку взялась – он опять плачет. Я снова к нему. Представляешь, несколько раз прихожу – молчит, уйду на кухню – плачет. Ну, и я взяла его на руки и с ним на руках пошла на кухню. Только вошла в коридор – как рванет! Звон, грохот, штукатурка посыпалась! Возвращаюсь в комнату и вижу, что вся кровать Васеньки утыкана осколками оконных стекол – кровать-то прямо под окном стояла. Иду на кухню – и там все осколками стеклянными утыкано. Меня аж мороз продрал по коже. Васенька жив-здоров и взрыва, конечно, не помнит, а мама его до сих пор убеждена, что мальчику ангел уснуть не давал...»

Уже через десять минут после взрыва на станцию прибыли шесть бригад «скорой помощи». А в городские больницы срочно вызвали всех не занятых на дежурстве врачей и медсестер. Для эвакуации раненых была задействована санитарная колонна гражданской обороны (27 автобусов). Прибыли пожарные расчеты, вскоре к месту аварии примчались пожарные поезда из Горького и Муром.

Двести пятьдесят мет-

ров железнодорожного

полотна было разрушено. Самым страшным было то, что взрыв повредил проходивший под железнодорожными путями газопровод. Недалеко от станции находились нефтебаза и цистерны со сжиженным газом. Все это создавало угрозу, что трагедия на станции Арзамас буквально с минуты на минуту вновь повторится. К счастью, пожарным удалось быстро отсечь огонь от нефтебазы.

Спасателям первоначально не было известно, существует ли опасность радиоактивного или химического заражения. Информации о том, какой груз перевозили во взорвавшемся составе, не было никакой, а работа по ликвидации последствий аварии требовала срочных действий. Когда выяснилось, что взорвались промышленные взрывчатые вещества, спасатели смогли вздохнуть с облегчением – угроза радиоактивного заражения отпала...

Осколок рельса, поднятый в воздух взрывной волной, угодил в электроподстанцию, на землю хлынуло и мгновенно загорелось трансформаторное масло. Тушить огонь было нечем, и его засыпали песком и металлической стружкой. Взрыв также повредил городскую канализацию, и неочищенные стоки хлынули в реку Тешу. Возникла угроза экологической катастрофы и распространения эпидемий.

Арзамасским врачам еще не приходилось принимать одновременно такое количество пострадавших. Легкораненых, а их оказалось порядка пятисот человек, после оказания

медицинской помощи отправили по домам. В течение 4 и 5 июня в лечебных учреждениях Арзамаса было проведено 1065 первичных хирургических обработок ран, 7 трепанаций черепа, 7 ампутаций... Это был бесконечный «конвейер» операций, и хирургам удавалось лишь на несколько минут отойти от операционного стола – их ждали все новые и новые пациенты. Тяжелораненные были отправлены на вертолетах в Горький. А тем временем сотни арзамасцев шли в больницы, чтобы сдать кровь. Председателем правительственной комиссии по ликвидации последствий катастрофы в Арзамасе был назначен заместитель председателя Совета Министров СССР Геннадий Георгиевич Ведерников, который срочно выехал на место происшествия. Штаб разместился в здании горкома партии. До революции в нем была гимназия, где учился Аркадий Голиков, и именно этот дом он, уже под псевдонимом Аркадий Гайдар, описал в своей повести «Школа». Началась работа по расселению оставшихся без крова, по опознанию неизвестных трупов, многие из которых были обезображены до неузнаваемости, по организации питания для докторов, спасателей, доноров и пострадавших. Было решено переселить всех, чье жилище оказалось в очаге поражения, – а это почти четыре тысячи человек. Их эвакуировали в центральную гостиницу, в общежития, в незанятые по случаю летних каникул школы и училища. Операцию по расселению удалось провести всего за три часа. Милиция тем временем взяла под охрану разрушенные магазины и склады.

Для хранения неопознанных трупов на станцию подогнали вагон-холодильник. На протяжении нескольких часов солдаты по прилегающим к станции улицам и дачному поселку собирали разбросанные взрывом «фрагменты тел» погибших.

«Самая драматическая часть всех событий – это состоявшиеся похороны, – вспоминал Иван Скляр. – Жутко было входить в дома – у каждого порога стояла беда...

Общественная комиссия предприятий и организаций, где работали погибшие, взяла на себя организацию похорон... Торгующие организации Арзамаса выделили необходимую одежду для захоронения, продовольственные товары для проведения поминальных обедов».

Случайность или диверсия?

Впоследствии губернатор Нижегородской области Геннадий Ходырев выразил твердую уверенность, что тот страшный взрыв произошел в результате террористического акта: «Мое субъективное мнение, и пока еще меня в этом никто не переубедил, – это была диверсия. Кому-то было выгодно сформировать у населения страны уверенность в неспособности власти тех лет управлять государством, обеспечивать безопасность граждан. Утонул теплоход «Нахимов», взорвалась Чернобыльская АЭС, взрыв в Арзамасе. Через год, ровно день в день, такой же взрыв в Свердловске. И нигде не нашли виновных...». Действительно, последние годы существования Советского Союза изобиловали техногенными катастрофами, которые оказывали деморализующее воздействие на людей. Однако по сей день веских аргументов в пользу этой версии не найдено. КГБ после взрыва всерьез отработывал версию о террористическом акте. «Была ли диверсия? – писала 3 июня 1993 года газета «Арзамасские новости». – Специалисты дали заключение, что этого не было. Если бы сработало взрывное устройство, то вначале раздался бы хлопок, и только после этого – детонация взрывчатки. А этого не было... Сразу взрыв. Некоторые свидетели слышали характерный

звук. Но при испытаниях оказалось, что данное вещество при сгорании издает звук, подобный звуку пролетающего реактивного самолета. Если вы помните, большинство людей говорят о взрыве газовой магистрали. Версия, кстати, очень серьезная. Провели экспертизу, и она отпала. Труба была сломана наружным давлением, а не разорвана... При погрузке (в вагоны) вещество было рассыпано по металлическому полу. К тому же по документам выяснилось, что в вагон были погружены два разных несовместимых вещества. Стали исходить из этого. Что же вызвало детонацию? Надо сказать, что нужны особые условия, чтобы эти вещества взорвались. Это могло быть возгорание либо от трения, либо от попадания искры от тепловоза. Вы знаете, что на железной дороге характеристики тепловозов далеки от идеальных. Но этот-то тепловоз был в норме!» Также было установлено, что октоген и гексоген, которые перевозил состав

№ 3115, имели посторонние примеси, в частности – песок, значительно повышающий чувствительность взрывчатых веществ.

В аналитической записке Арзамасского управления ФСБ, в частности, говорилось: «Учитывая, что в вагоне мешки располагались по высоте в 10-11 рядов, а также динамическое воздействие на груз вагона в пути следования, можно допустить, что в тонком слое взрывчатых веществ началась низкотемпературная химическая реакция с выделением тепла. Наличие сенсibiliзирующих добавок (песка) значительно облегчает и ускоряет экзотермическую реакцию».

Гораздо больше оснований утверждать, что Арзамасская трагедия – результат преступной халатности, которая была столь привычным явлением в позднем СССР. Так и в тот роковой день по беспечности и нерадивости оказались грубо нарушенными правила перевозки опасных грузов. Видимо, в очередной раз понадеялись на «авось»... По официальным данным, 4 июня 1988 года в Арзамасе погиб 91 человек, из них 14 детей. Но жертв у этой катастрофы могло быть гораздо больше. Во-первых, оказалось, что буквально за несколько минут до взрыва со станции отправился другой состав с боеприпасами. А, во-вторых, недалеко от рокового переезда находилась нефтебаза – если бы взорвалась она, то в руины превратилась бы половина города.

Сегодня о той катастрофе вспоминают ежегодно – 4 июня, когда к воздвигнутой на месте трагедии белой часовенке и памятнику с покореженным куском вагонного железа, к старым часам с вокзального здания, где навсегда запечатлелось время взрыва – 9 часов 32 минуты, – приходят с цветами тысячи арзамасцев, объединенные скорбью и памятью о пережитом несчастье, о друзьях, родных и близких, погибших в тот жаркий летний день 1988 года, когда в их город вошел Поезд Смерти.

Поезда в огне

«Этот поезд в огне,
И нам не на что больше жать.
Этот поезд в огне,
И нам некуда больше бежать...»

Борис Гребенщиков.

Некоторые катастрофы поражают тем, что их просто не могло случиться – столь случайной оказывается цепочка обстоятельств, приведшая к трагическому финалу... Трудно предугадать события, которые не укладываются в привычную логику. Только силой злого рока можно объяснить, например, встречу двух поездов, которые выбились из графика своего движения словно бы исключительно для того, чтобы повстречаться в той точке, где должен был взорваться газ.

Эти скорые поезда с номерами 211 и 212 не должны были встречаться у Змеиной горки на перегоне между станциями Аша (Челябинская область) и Углу-Теляк (Башкирия) Транссибирской магистрали. Но вот случилось так, что в ночь с 3 на 4 июля 1989 года поезд из Новосибирска по техническим причинам запаздывал, а встречному составу пришлось сделать экстренную остановку, потому что у одной пассажирки прямо в вагоне начались родовые схватки.

За несколько часов до встречи 211-го и 212-го поездов машинисты составов, проходивших через этот перегон, стали предупреждать диспетчеров, что там чувствовалась сильная загазованность. Но почему-то этим сообщениям никто не придал значения. А ведь трагедию еще можно было предотвратить.

У Змеиной горки переполненные курортниками поезда уже практически разминулись, когда в 1 час 10 минут прогремел взрыв и ослепительный столб огня поднялся до небес. В этот момент оба встречных поезда находились в газовом облаке, которое вспыхнуло, вероятнее всего, от искры, возникшей при торможении. В поездах находились 1 тысяча 284 пассажира, в том

числе 383 ребенка, и 86 членов локомотивных бригад. Сила взрыва была такой, что в домах окрестных деревень вылетели стекла из окон.

«В небо взметнулось пламя, стало светло, как днем, и мы подумали, что сбросили атомную бомбу, – рассказывал впоследствии участковый Иглинского отдела внутренних дел Анатолий Безруков. – Помчались к пожарищу на машинах, на тракторах. Техника на крутой склон подняться не могла. Стали карабкаться на косогор – кругом сосны стоят, как обгоревшие спички. Внизу увидели рваный металл, упавшие столбы, мачты электропередачи, куски тел... Одна женщина висела на березе со вспоротым животом. По склону из огненного месива полз, кашляя, старик. Сколько лет прошло, а он у меня так и стоит перед глазами. Тогда я увидел, что человек горит, как газ, синим пламенем». Многих пассажиров, которые лежали на верхних полках, взрывная волна выбросила далеко на насыпь. Последние вагоны обоих поездов чудовищная сила вышвырнула из колеи. Электроопоры, рельсы и шпалы были вырваны из земли, словно смерчем. На деревьях вокруг путей висели куски одеял, занавесок и обшивки из развороченных взрывом вагонов.

Первыми на место трагедии пришли жители близлежащих деревень. Прибежали подростки, которые как раз в это время возвращались с дискотеки. Они увидели десятки развороченных взрывом вагонов, обезображенные трупы и обгоревших людей, слышали гул огня, крики и стоны раненых. Вагонное железо было искорежено, как консервная банка, попавшая под колесо. В урочище бушевало пламя. Выжившие после взрыва люди пытались скрыться в лесу, но огонь вскоре перекинулся и на деревья, словно пытаясь догнать уцелевших и закончить свое дело смерти.

Через несколько минут из близлежащего колхоза «Красный Восход» приехали грузовики и даже трактора, начали грузить раненых, которые находились в шоковом состоянии, везли их в больницу на станцию Аша. Носилок не было, пострадавших переносили на

одеялах и чехлах от сидений. Многие умирали по дороге...

Первая «скорая помощь» добралась до места катастрофы лишь спустя час. К месту катастрофы не было проезжей дороги, медики и спасатели пробирались до эпицентра взрыва пешком. Практически у всех раненых были тяжелые ожоги тела и верхних дыхательных путей.

В ту страшную ночь были задействованы все бригады «скорой помощи» Уфы. На городские вызовы оставили только семь машин, многим звонившим в «скорую» диспетчеры вынуждены были отказать: в городе не было свободных бригад, а оставшиеся в резерве выезжали только на дорожно-транспортные происшествия. Такого бедствия Уфа еще не знала...

Один из офицеров, участвовавших в ликвидации последствий катастрофы, вспоминал: «Когда прибыли на место аварии, то первое, что увидели, – это искореженные поезда. На вагонах живого места не было. Они были какого-то грязно красного цвета. Многие вообще ни на что не похожи, так – груды металла. Никогда такого раньше не видел.

Даже сердце застучало. Пошли с группой офицеров смотреть – что там на месте. Первое, что бросилось в глаза – трупы обгоревших. Мы прямо оцепенели. Такого даже представить себе нельзя. Никогда мы не видели трупов, на которых полностью сгорела одежда, сгорели волосы, другие части тела, такие, например, как уши, нос, губы. Невозможно себе этого представить. Многие трупы были перекорены, без кожи, просто обгорелое мясо на костях. Когда получили команду сносить трупы поближе к месту погрузки, не каждый мог решиться на эту работу. И вот мы начали их собирать. С первого раза многие даже не могли взяться. Непонятно было – что это? – руки или ноги, а иногда торчал просто кусок кости с мясом такой обгорелый. Очень трудно было взяться, почувствовать в руках части человеческого тела. Особенно тяжело было смотреть на трупы детей. Одного мне самому пришлось выносить. Совсем маленького грудного ребенка, примерно трех-четырех месяцев. Было очень трудно все это воспринять. Я до этого мертвых детей никогда не видел. А у самого – трое. Младший примерно того же возраста... У меня даже руки затряслись. Но вроде неловко звать кого-то на помощь. Пришлось самому вытаскивать его из-под вагона, брать на руки, нести. Тяжело, даже не то слово. Там идти-то всего... Несколько раз останавливался. Приходилось класть его на землю, завернутого в тряпку какую-то, какая под руку попала. Очень трудно было. И не только морально, физически трудно было. Как ослабел вдруг. Хорошо тут ребята подошли, положили его на носилки, укрыли и унесли...».

Воспоминания одного из сержантов, работавших на месте катастрофы: «Когда ехали на место аварии, я все пытался себе представить – как все это будет выглядеть? Первый труп сильного впечатления на меня не произвел, я его как бы издалека видел. Потом мы прошли по лесу. Акклиматизировались. Думаю, нас специально по лесу провели, чтоб мы немного попривыкли. Со мной были еще три молодых солдата. И вот первый труп, как бы в воронке такой, неглубокой. Я спокойно к нему подошел. Солдаты рядом стояли. Видно было, что им не по себе. Да и мне было не по себе, но выбирать не приходилось.

Пришлось взяться за труп первым. Не хотелось, конечно, но выбора не было. Молодые, ведь только прибыли. Перед тем как начать работать, я им просто сказал: « Мужики, за нас этого никто не сделает. Мы – единственные, кто это будет делать. Поэтому, хочешь – не хочешь, надо». Сначала я, правда, сам себе это сказал, а потом уже им. Ну а когда сказал, по-другому уже было нельзя. Самое тяжелое, когда тащил первый труп. Я его из

воронки вытаскивал. А там галька или щебенка. Поскользнулся и чуть было на труп не лег. Было такое ощущение, что меня сейчас не просто вырвет, а вывернет всего. Уже и в горле стояло. Но как-то стыдно стало. Скажут молодые: «Сержант – слабак». А мне их учить еще полгода. Я отполз, потный был, отдышался, надел респиратор. Потом взялся за труп, и вроде никаких ощущений особых не было. Как бы выключился. Только потом, когда несли, очень тяжело было переносить трупный запах. Или это не трупный был, а горелого мяса? Не знаю. Ребят послабее я вперед поставил, чтоб не видели, что несут...».

Утром 4 июня была объявлена мобилизация всех врачей города. Начальник управления здравоохранения Дими Чанышев обратился по радио с просьбой помочь в оказании помощи пострадавшим. На помощь медикам пришли воины-интернационалисты.

«Афганцы», имевшие фронтовой опыт, приходили на самые тяжелые участки работы – туда, где порой не хватало выдержки даже у опытных медиков. Трупы погибших не помещались в уфимском морге, их вынуждены были складывать в машинах-рефрижераторах.

В штабе по ликвидации последствий катастрофы ежечасно вывешивались отпечатанные на машинке уточненные списки пострадавших и погибших. Тем временем в аэропорт Уфы со всего Советского Союза постоянно прибывали самолеты с родственниками погибших и пострадавших. Многие из них приехали уже после того, как их родные и близкие скончались в уфимских больницах. Погибли около шестисот человек, примерно столько же стали инвалидами, получив сильнейшие ожоги.

Как установило следствие, взорвавшийся на железнодорожном перегоне газ просочился из поврежденного газопровода «Западная Сибирь – Урал – Поволжье», который расположен почти в 900 метрах от железной дороги. Утечка началась из-за трещины, нанесенной газопроводу за четыре года до катастрофы, в октябре 1985-го, ковшом экскаватора. Скопление газа шло не менее двадцати дней. По итогам разбирательства, которое продолжалось шесть лет, было предъявлено обвинение девяти должностным лицам, двое из которых подлежали амнистии.

Здесь не было диверсии. Была чудовищная случайность, которая вошла в историю как одна из крупнейших техногенных катастроф Советского Союза.